

Гражданская солидарность: методология исследования.

Научный руководитель – Клюев Анатолий Владимирович

Сердюков Борис Владимирович

Аспирант

Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет социальных технологий, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: skipjunior@mail.ru

Социальная структура современного Российского общества, сформирована под влиянием процессов системной дезинтеграции, произошедших в двадцатом веке. Смена экономической ориентации с социалистической на капиталистическую в совокупности с изъятием из повседневной жизни идеологической и теократической конструкции нанесли существенный урон существующей общественной ценностно-нормативной системе, а также спровоцировали скоротечную деградацию системы разделения общественного труда. Как результат проявление аномической симптоматики во всех сферах современного Российского общества.

Особое значение общественного разделения труда для современного общества определил французский социолог Эмиль Дюркгейм. В соответствии с предложенной им теорией общественного развития порождённая общественным разделением труда современная «органическая» солидарность характеризуется индивидуальным отличием членов общества и их автономией как личностей [3, 140]. Основные положения концепции социальной солидарности, предложенные Эмилем Дюркгеймом, как нам представляется, и сегодня не потеряли эвристической ценности и будут использованы нами для дальнейшего объяснения процессов протекающих в современной России. Основанная на функциональной взаимозависимости и взаимобмене органическая солидарность всё же нуждается в поддержании предельно допустимого минимума коллективного сознания (механической солидарности) в отсутствие которого высока вероятность разрушения социальной структуры. Подобно Дюркгейму мы воспринимаем социальную солидарность как нормальное состояние общества, а её отсутствие как патологию.

Более содержательное описание категория социальной солидарности обрела в антипозитивистской парадигме методологического индивидуализма Макса Вебера. В его социологии понятие социальной солидарности развивалось как соотношение легитимного порядка и его эмпирической значимости [1, 90]. Взгляды Макса Вебера позднее нашли отражение в системной социологии Талкотта Парсонса, согласно которой социальная солидарность представляется как своеобразная интегрированность членов социальной системы [5, 795]. Мы в свою очередь не можем не согласиться с обоими точками зрения.

Социальная солидарность, соответственно, является неотъемлемой частью социальных отношений, существует в различных социальных группах и проистекает из различных источников. То есть, человек всегда является участником различных отношений скрепляемых социальной солидарностью.

Высокую эвристическую ценность, для объяснения солидаризационной общественной структуры предоставляет концепция потоковой консолидации, предложенная Кармадоновым О.А. [4, 7]. В рамках этой схемы представляется, что люди в разной степени консолидируются в рамках групповой (горизонтальной) солидарности, принимая ценности и символы этой группы, ориентируясь в своём поведении на других её членов и принимая

отношения господства и подчинения. Также человек солидаризируется с более крупными социетальными образованиями. Такая макросоциальная (вертикальная) солидарность формируется среди жителей одного государства или территориального административного субъекта, между представителями одной национальности или регионального культурного этноса.

Разделяя точку зрения Дюркгейма на соотношение индивидуального и коллективного в личности современного человека мы утверждаем, что отсутствие в структуре личности и групповых отношений, минимально допустимой ориентации на общесистемные (макросоциальные или вертикальные) максимы неизбежно ведёт такое общество к массовой дезинтеграции. Подобное мнение находит своё подтверждение в работах Гофмана А.Б. утверждающего, что - «Все партикулярные солидарности: политические (включая государственно-бюрократическую), семейно-родственные, национально-этнические, религиозные, классовые, корпоративные, профессиональные и т.п., - имеют и могут иметь позитивное значение только при их включенности в солидарность гражданскую» [2, 66].

В отношениях гражданской солидарности человек солидаризируется напрямую с обществом (принимая и исполняя существующие в нём законы, покоряясь социальному контролю и воспроизводя его, активно участвуя в гражданских институтах), либо опосредованно через конъюнктивные практики с другими людьми воспроизводимые для приобретения субъектности коллектива по отношению к гражданским институтам. На групповом уровне гражданская солидарность выражается в ориентации коллектива на соблюдение действующих в обществе законов и норм взаимодействия, осуществляемого между группой и группой, а также группой и индивидом.

Для Российской действительности проблематика формирования гражданской солидарности представляется наиболее актуальной по двум основным причинам. Во-первых, усиление такого вида солидарности будет способствовать преодолению существующего расхождения между декларируемой органами власти системой общественных отношений и реально существующей, воспроизводящейся на уровне социального взаимодействия. Во-вторых, укоренённая гражданская солидарность должна содействовать формированию конкурентоспособной социальной среды, способной выдержать необходимый интеграционный баланс под давлением глобализационных процессов, проистекающих в контексте становления новых форм развитого информационного общества.

Для практического исследования феномена гражданской солидарности нам представляется наиболее целесообразным использование событийного подхода, предложенного российским социологом Филипповым А.Ф.. Этот подход заключается в том, чтобы исследовать социальную солидарность в области событий, то есть «оставаясь на поверхности происходящего» [6, 18], не погружаясь в область причинных связей.

Соглашаясь в целом с Александром Фридриховичем мы считаем, что социальная солидарность первоочередным образом формируется в поведенческих установках индивида и (выражаясь языком Макса Вебера) проявляется в его индивидуальных ориентациях на конкретный легитимный порядок. Гражданская солидарность соответственно будет характеризоваться личностной ориентацией индивида в своём поведении: на государственные правовые нормы; на институциональные механизмы гражданского самоуправления; на активное использование различных прав и обязанностей, возникающих из гражданского статуса; на согласие с потенциальными мерами формального и неформального социального контроля, а также готовность осуществлять его самостоятельно. Преобразованные в систему оппозиционных переменных, выше перечисленные социальные индикаторы могут быть использованы для анализа личностных установок в различных потенциальных обстоятельствах, что позволит определить силу (уровень значимости) гражданской солидарности.

Источники и литература

- 1) Вебер, Макс Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — Т. I. Социология. — 445 с.
- 2) Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. - С.97-167.
- 3) Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. - 432 с.
- 4) Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция / О. А. Кармадонов // СОЦИС: социологические исследования - 2015. - № 2. - С. 3-12
- 5) Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
- 6) Филипов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. — 2011. — Т. 10. — № 3. — С. 4-20.